

УДК 316.42

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИДЕИ ПРОГРЕССА

В. Э. СМІРНОВ¹⁾

¹⁾Институт экономики НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Представлено одно из важнейших направлений онтологического обоснования идеи прогресса, касающееся взаимоотношения человека и природы и способности человека преобразовывать ее во вторую природу в целях обеспечения комфортного и безопасного проживания на планете. Подвергаются критике современные подходы к трактовке идеи прогресса, показана ее объективная необходимость как на уровне познания, так и для реализации на практике. Критикуется также старый аргумент, вменяющий идее прогресса представление о неизменной направленности прогрессивных преобразований. Утверждается, что традиционные современные подходы к нему никогда не были прямолинейны, так как включали в понимание прогресса и движение вперед, и отход назад – регресс. Кроме того, показано, что данное направление и сегодня определяет стратегию исторической науки, которая отказывается от представления о так называемых темных веках, трактуемых в категориях регресса, что говорит о неоднозначном и конкретно-историческом характере соответствующих оценок. Предлагается понимание прогресса в его онтологии как способа и формы духовно-практического отношения человека и природы. Критикуются существующие спекуляции на этой проблеме, в частности провозглашающие связь идеи прогресса с идеологически окрашенным его обвинением в загрязнении природы, глобальном потеплении или похолодании, появлении озоновых дыр, остановке Гольфстрима и т. п. Обосновывается мысль, согласно которой человечество уже не в состоянии существовать вне прогрессивного развития и без влияния идеи прогресса, что в каждой исторической эпохе имеет своеобразное идейное воплощение. Представлены ответы на волнующие человечество вопросы о том, ведет ли прогресс к ухудшению состояния окружающей среды, гибели экологии и разрушению ноосферы или, наоборот, улучшает ее, изменяет в соответствии с потребностями личности, а также о том, кем является человек – покорителем природы или создателем новой, социоприродной реальности. Автор анализирует и обосновывает объективно обусловленную и жизненно укорененную способность человечества к длинным проектам, видя в них пусковой механизм социального прогресса. Утверждается, что становление человека происходит одновременно с созданием второй природы и социальных отношений как среды, обеспечивающей локальные зоны комфорта в целях выживания в условиях враждебной природной среды. Критикуется распространенная трактовка окружающего мира – природы, из материала которой че-

---

Образец цитирования:

Смирнов ВЭ. Онтологическое обоснование идеи прогресса. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;4:6–13.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-6-13>

For citation:

Smirnov VE. Ontological justification of the idea of progress. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;4:6–13. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-6-13>

Автор:

Виктор Эдуардович Смирнов – кандидат социологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник.

Author:

Victor E. Smirnov, PhD (sociology), docent; leading researcher.
smirnoffv67@gmail.com

ловек строит вторую природу – очеловеченный мир, как исключительно дружелюбного. В результате именно вторую, очеловеченную, природу стали часто воспринимать как первую. Согласно такому «экологическому» видению сформировалось представление о том, что именно человек агрессивно врывается в природу, разрушая среду своего обитания, именно он враждебен ей. Однако нельзя забывать, что природа также не добра к человеку, и именно этот урок преподала человечеству последняя пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. На примере исторического прошлого и настоящего показано, что стремление человечества, пусть бессознательное, к длинным проектам представляет собой суть человеческого общежития, основу социальности и создания условий для сохранения человека как вида. Анализируются различные социальные сферы как результаты реализации длинных проектов на пути прогрессивного развития.

Ключевые слова: прогресс; человеческая деятельность; природа; свобода человека; длинные проекты; субъект; объект; вторая природа; культура.

ONTOLOGICAL JUSTIFICATION OF THE IDEA OF PROGRESS

V. E. SMIRNOV^a

^a*Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

One of the directions of ontological substantiation of the idea of progress is presented, which concerns the relationship between man and nature and the ability of man to transform it into a second nature in order to ensure a comfortable and safe life on the planet. The article presents a critique of modern approaches to the interpretation of the idea of progress, as well as justifies its objective necessity, both in knowledge and for implementation in practice. The author criticizes the old argument that imputes to the idea of progress the idea of the unchangeable direction of progressive changes, arguing that the traditional modern ideas about it have never been straightforward, since they included in the understanding of progress both forward movement and backward movement that is regression. In addition, it is shown that this idea of progress still determines the strategy of historical science today: the very fact that modern historical science rejects the idea of the so-called «dark ages», interpreted in terms of regression, indicates the ambiguous and concrete historical nature of the corresponding assessments. The article offers an understanding of progress in its ontology as a way and form of spiritual and practical relations between man and nature. Existing speculations on this issue are criticized, in particular, proclaiming the connection of the idea of progress with its ideologically coloured fault in nature pollution, global warming or cooling, ozone holes, stopping the Gulf stream. The author substantiates the idea that humanity is no longer able to exist outside of progressive development and under the influence of the idea of progress, and has a unique ideological embodiment in each historical epoch. Answering the question that concerns humanity, whether progress leads to the deterioration of the environment, the death of ecology and the destruction of the noosphere, or improves it, changes it in accordance with human needs, and who is man – the conqueror of nature or the Creator of a new, socio-natural reality, the author analyzes and justifies the objectively determined and vitally rooted ability of humanity to long projects, seeing them as a trigger for social progress. It is argued that human development occurs simultaneously with the creation of a second nature and social relations as an environment that provides local comfort zones in order to survive in a hostile natural environment. The current interpretation of the environment – nature, from the material of which a person builds a second nature – the humanized world, is criticized as exceptionally friendly, so much so that the line between the first nature and the second, humanized nature is significantly blurred. As a result, it was the second one that was often perceived as the first. According to this «ecological» vision, the idea was formed that it is man who aggressively breaks into nature, it is he who is hostile to it, destroying the environment of his habitat. The author warns that we must not forget that nature is also not kind to man: she is indifferent to him and ruthless, and therefore can be both cruel and hostile. The author warns that one must not forget that nature is also not kind to man: she is indifferent to him and ruthless, and therefore can be cruel and hostile. And it is this lesson that the latest pandemic, COVID-19, taught humanity. Using the example of the historical past and the present, it is shown that the desire of humanity, albeit unconscious, for long projects is the essence of human community, the basis of sociality and the creation of conditions for the preservation of man as a species. Various social spheres are analyzed as the results of the implementation of long-term projects on the path of progressive development.

Keywords: progress; human activity; nature; human freedom; long projects; subject; object; second nature; culture.

Критика идеи прогресса не нова. Эту идею обвиняли в том, что она представляет собой всего лишь светское изложение еврейского мессианства, что является европоцентричной и игнорирует человеческую волю. Ф. Теннис акцентировал в данной идее прогрессирующее отчуждение между людьми, что, по его мнению, ухудшало жизнь

человека в его движении от традиционного к современному обществу. Русский философ В. Ф. Эрн обращал внимание на то, что конкретные культуры и цивилизации как расцветают, так и угасают, а с прогрессом технических средств, но без морального роста страдания людей только увеличиваются [1]. После Второй мировой войны критика идеи

прогресса только усилилась, причем основаниями для нее стали не столько ужасы войны, сколько ситуация общего кризиса капиталистического мироустройства. В частности, представители Римского клуба в онтологии человеческого бытия обнаружили так называемые пределы роста: не бесконечные запасы сырья, экологические ограничения, попросту размеры планеты в соотношении с растущей численностью населения, недостаток пресной воды и другие аналогичные барьеры [2]. Нужно заметить, что у всех подобных теорий существует одна важнейшая деталь, которая обычно умалчивается. Речь идет о том, что социальный прогресс в таких теориях, по существу, подразумевает, что в обозримом будущем капиталистический рынок будет доминирующей формой хозяйствования на земле, поэтому связанные именно с ней трудности выдаются за проблемы человеческого развития вообще.

Впрочем, основная атака на идею прогресса была осуществлена в рамках постмодернистской традиции. Здесь можно упомянуть таких авторов, как М. Арчер, У. Бакли, И. Валлерстайн, Р. Нисбет и др. Под знаменем обращения к человеку, его самостоятельной воли и деятельности они пришли к отрицанию объективных факторов человеческой истории. Прогресс для постмодернистов есть лишь некоторая возможность в каждом конкретном случае, единичная вероятность, не более. Причем такой взгляд на самом деле весьма пессимистичен с точки зрения идеи прогресса, ибо, рассматривая его возможность как сумму вероятных выборов, нельзя не заметить, что, бросая монетку, невозможно каждый раз обратно получать орла. Если человеческие потенции к прогрессивному развитию, которые у названных авторов связаны со способностью к инновациям, будут реализованы, а это, по мнению М. Арчер и других исследователей, связано с состоянием социальных институтов (школа, семья или государство), то прогресс может состояться. Но этого не случится, если названные социальные институты будут недостаточно хороши. А. Этциони и вовсе видит источник совершенствования институтов общества в «самозапускаемой преобразовательности», которая, по его мнению, имманентно присуща людям. Впрочем, она реализуется только в так называемом активном обществе, обладающем рядом свойств. А вот почему складываются такие общества, не вполне понятно [3]. При этом можно вести бесконечный спор по поводу предложенных аргументов, начиная с содержания понятий, как, например, И. Валлерстайн в своей работе «Миросистемный анализ. Введение». Автор повторяет старый аргумент, вменяющий идею прогресса представление о неизменной направленности прогрессивных преобразований, притом что история, по мнению И. Валлерстайна, дает немало примеров регресса и деградации [4].

Во-первых, странно было бы полагать, что классические апологеты идеи прогресса не имели представления о периодах регресса. Совершенно очевидно, что их взгляды на прогресс не так прямолинейны. Во-вторых, что весьма любопытно, именно современная историческая наука отказывается от представления о так называемых темных веках, трактуемых в категориях регресса, говорящих о социальной деградации в разные исторические эпохи. Напротив, речь идет о смене форм развития.

Вопросы развития общества и, в частности, прогресса стали предметом дискуссий и практически определили главные направления не только идейной, но и политической борьбы. При этом само представление о благодати прогресса некоторыми политиками воспринималось как само собой разумеющееся. Однако сейчас нередко можно встретить подходы, в соответствии с которыми идея прогресса толкуется как не более чем одна из возможных парадигм, исторически не только приходящая, но и переходящая, причем на наших глазах. Допускается, что если существовали общества, в которых идея прогресса не только не господствовала, но и не существовала вовсе, то и в дальнейшем от нее можно отказаться. Более того, современная эпоха – это именно то время, когда от идеи прогресса можно и нужно отказаться, ибо в ней зачастую видят идеологического виновника загрязнения природы, глобального потепления или похолодания, возникновения озоновых дыр и остановки Гольфстрима (люди быстро забывают свои страхи, но тут же выдумывают новые). Однако задача данного исследования состоит не в критике всевозможных взглядов на идею прогресса, ее эволюцию, а в обосновании ответа на вопрос о том, отражает ли эта идея реальность мира людей, их жизнедеятельность и историческое развитие социумов, а также о том, как воздействует она на этот мир. И здесь можно обнаружить, что, сколько ни рассуждай об актуальности или, наоборот, устарелости понятия прогресса, человечество уже не в состоянии существовать вне прогрессивного развития и без влияния идеи прогресса, существующей в каждой исторической эпохе в своеобразном воплощении.

Иначе говоря, отказаться от идеи прогресса, конечно, можно, но как быть с объективными процессами, лежащими в основе прогрессивного развития социума? Чтобы ответить на этот вопрос, опять же необходимо вернуться к рассмотрению самого понятия прогресса, причем не к тотальному переосмыслению его содержания как процесса освобождения человека в целом, а изучить одну грань прогресса, на которую в последнее время стали обращать недостаточно внимания, более того, резко критиковать с экологической точки зрения. Речь идет об отношениях человека и природы. Ведет ли прогресс к ухудшению состояния окружающей среды, гибели

экологии и разрушению ноосферы или улучшает ее, изменяет в соответствии с потребностями человека? И кем является человек – покорителем природы или создателем новой, социоприродной реальности?

На мой взгляд, если не иметь в виду наиболее экстремальные и даже разрушительные формы этого «покорения», в данном представлении о прогрессе ничего ужасного нет. Речь скорее идет о создании и укреплении так называемой второй природы. Дело в том, что «естественный» человек, в данном случае с биологической точки зрения, может существовать в крайне узком диапазоне жизненных условий. Собственно говоря, на планете Земля этим условиям соответствует субэкваториальная зона, или, еще уже, граница тропических джунглей и саванны. Только там люди могут существовать как животные, не создавая между собой и природной средой так называемой второй природы (она включает прежде всего одежду, огонь, запасы воды и разнообразные орудия, причиной и результатом создания которых выступает человеческая социальность, которая является следствием и одновременно источником социальных отношений). Соответственно, чем дальше от этой идеальной зоны поместить нашего условного «естественного» человека, тем скорее он погибнет.

Я намеренно уточняю условность представления о «естественном» человеке. Такого человека никогда не было. В животной естественности существовали предки *homo sapiens*. Само становление человека происходило одновременно с созданием второй природы и социальных отношений как среды, в которой осуществляется ее производство. Но как бы то ни было, одна из двух основных граней человеческого существа есть постоянное воспроизводство второй природы из материала природы первой прежде всего в целях обеспечения локальной зоны комфорта для выживания в условиях враждебной природной среды.

Сегодня само понятие «враждебная окружающая среда» сделалось чем-то неприличным. Природа, из материала которой человек строит вторую природу, как очеловеченный мир настолько стала представляться дружелюбным, весьма лояльным к человеку естественным окружением, что в существенной степени стерлась граница между природой первой и природой второй, очеловеченной. В результате вторую часто стали воспринимать в качестве первой. Согласно такому «экологическому» видению сформировалось представление о том, что именно человек агрессивно врывается в природу, именно он враждебен по отношению к ней, разрушая среду своего обитания.

Глупо было бы отрицать зачастую губительную для природы деятельность человека. Однако нельзя забывать, что природа также не добра к людям: она безразлична к ним и безжалостна, а потому может быть и жестока, и враждебна. И именно этот урок мы

обязаны помнить после последней пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Это именно урок, поскольку на самом деле данная пандемия минимально опасна, вирулентность заболевания не очень высока, а смертность относительно низкая. Но точно так же природа может явиться в наш дом в куда более опасной и жестокой форме.

Само понятие второй природы довольно сложно. Часто культуру, следуя за Демокритом, который рассуждал о второй натуре, определяют как вторую природу. Но, во-первых, само понятие культуры слишком многозначно, чтобы через него определять не менее сложное понятие, а во-вторых, хотелось бы обратить внимание на другие аспекты этих понятий, в частности, на то, что феномен культуры скорее связан с алгоритмами деятельности, главным образом регулируемыми сферу взаимоотношений людей, так или иначе закодированными в культурных артефактах. А вторая природа – это плод человеческой деятельности, среда, тот самый «дом», который человек в меру своих сил воспроизводит в разнообразных географических и климатических условиях. С некоторых пор культуру и природу пытаются совместить в понятии культурного ландшафта (А. А. Шишкина, А. Г. Исаченко, М. В. Ладухина, И. Т. Фролов, В. К. Королев). Но в данном случае лишаются достаточной полноты и понятие культуры, и понятие второй природы. Не нужно забывать, что вторая природа – это все же природа, среда обитания человека – биологического, природного существа, причем комфортная для него среда. С помощью процесса труда человек превращает «естественные» ресурсы в удобную для потребления форму. Например, обрабатывая мясо огнем, он получает жаренное или вареное мясо, которое ему удобно потреблять ввиду недостаточно сильных челюстей. Согревая жилище или даже просто одеваясь, человек создает в доме или под одеждой комфортную температуру воздуха, условно говоря, ту самую, которая соответствует тропическому, субэкваториальному климату.

Собственно, даже лес, в котором производится отстрел чрезмерного и опасного для человека количества хищников, есть элемент второй природы. И при этом он включен в природу первую. Человеческая деятельность вторгается в естественные природные процессы и преобразует их в соответствии с потребностями субъекта этой деятельности. Постепенно человек освоил для жизни практически все климатические пояса, создавая все более сложные средства трансформации естественной среды в искусственную – во вторую природу. В этом смысле крайне значимым стало событие, произошедшее 12 апреля 1961 г. Речь идет о первом полете советского космонавта Юрия Гагарина в космос. Человек впервые оказался в абсолютно чуждой и враждебной среде, прихватив с собой кусочек земли. Если до тех пор вторая и первая природы всегда

сосуществовали для бытия человека, то теперь на относительно короткое время и в ограниченном объеме была создана область второй природы, минимально связанной с естественной средой. Собственно, космический вакуум и космический холод даже немного странно называть природой. Более того, этим полетом и отношением к нему человечество наметило дальнейшее движение прогресса. Кстати, именно в России была создана развитая индустриальная цивилизация в климатической зоне, чуть ли не наименее благоприятной для проживания людей. Все остальные развитые общества существуют в куда более благоприятных климатических условиях. На этом фоне не удивительно, что первый космонавт был советским, русским человеком.

Но вернемся к пандемии COVID-19. Вирусные инфекции – это явления аналогичной категории, в том смысле что это неблагоприятные явления внешней по отношению к человеку среды. Конечно, в распространении инфекции опять же можно обвинять людей, как это уже делают «экологи». Ведь действительно, широкое распространение эпидемии связано с определенными сторонами глобализации, ростом мобильности людей и коммуникаций, с тем, что процесс общественного производства в значительной части стал планетарным. Ровно так же эпидемия черной смерти в Европе была прямо связана с развитием караванной торговли на Востоке (в пределах империи монголов она стала безопасной) и итальянской, в первую очередь генуэзской, торговли на Средиземном море. Однако вряд ли решение проблемы лежит на пути отказа от мобильности и коммуникаций в пользу своего рода мировой пещеры. Наверное, его следует искать в другом направлении, а именно в совершенствовании второй природы, что, как уже отмечалось, и является одной из важнейших граней процесса, известного как «прогресс».

И здесь стоит перейти к следующему аспекту проблемы, к тем способам очеловечивания окружающего мира, которые человечество выработало в процессе создания и совершенствования второй природы. Конечно, человек всегда воспроизводит и укрепляет ее в процессе трудовой деятельности. Однако труд людей имеет важнейшую грань – совместный характер. Собственно, эта способность производить для других и вместе с другими порождает все богатство человеческой социальности. Однако нас интересует определенная и важнейшая для современной жизни особенность совместного труда людей, а именно способность к так называемым длинным проектам.

Длинные проекты – это особый термин, применяемый в различных областях знания. В экономической науке под ними подразумеваются проекты инвестирования. Это проекты, инвестиционная фаза которых тянется пять, десять и более лет. Для них нужны «длинные деньги», причем не очень до-

рогие, поскольку ожидать реализации приходится достаточно долго. Я же употребляю данный термин скорее в политэкономическом и даже социально-философском ключе. В этом смысле речь также идет о масштабных проектах с долгим сроком реализации, особенностью которых является то, что польза от них для человека здесь и сейчас совсем не очевидна, хотя на самом деле она огромна.

Такие проекты известны с глубокой древности. Например, это громадные ирригационные системы Древнего Египта, Месопотамии или Древнего Китая. Нет сомнений, что системная ирригация сыграла определяющую роль в существовании этих великих цивилизаций и развитии человечества в целом. Однако выгоды общества в целом и даже человечества вряд ли были понятны египетскому, шумерскому или китайскому крестьянину. Да и государственное насилие не имело определяющей роли, как стало известно из исторических исследований. У раннегосударственных образований попросту не было сил, чтобы принудить громадные массы населения к выполнению таких работ. Скорее, причина лежала в особенностях религиозного сознания людей той эпохи, когда общая польза, в том числе для будущих поколений, не осознаваемая на индивидуальном уровне, получала мифологическое, религиозное воплощение в представлении о фараоне, живом боге или о сыне неба и целых религиозно-философских системах. В этом смысле ошибочны разговоры о бессмысленности строительства, например, пирамид в Египте. Нужно понимать, что пирамиды – это обратная сторона громадных ирригационных систем, воздвигнутых на Ниле. И без одного компонента в той конкретной культурной ситуации, возможно, не было бы и другого. Античная эпоха находила основания для реализации длинных проектов в полисном сознании людей, их идентичности, сосредоточенной на полисе и его жизни. Соответственно, любое дело во благо полиса воспринималось как *res publica*, где общая собственность и общее дело укрепляют то потенциально бессмертное, в чем античный человек преодолевал свою конечность, – полисно-гражданскую общину, с которой индивид себя идентифицировал. Долгие проекты Средневековья нашли свое выражение в строительстве соборов. Рекордсмен в данной области – Кёльнский собор, который строился с 1248 по 1437 г. Спасение бессмертной души – тот узловый элемент, который лежал в основе долгих проектов Средневековья. Человеку было неважно, увидит ли он окончание строительства, так как само участие в строительстве служило делу спасения его бессмертной души. И только Новое время предложило рациональное обоснование длинным проектам. Речь идет об идее прогресса – представлении о том, что человечество, развиваясь, живет все лучше и лучше, и наши дети будут жить лучше нас.

Современные критики идеи прогресса часто утверждают, что она нерациональна, что это всего лишь вера, причем зиждущаяся на христианских представлениях о линейном ходе истории. Но с этим сложно согласиться. Все же развитие общества реализуется через деятельность людей. Понятно, что сама идея прогресса в своей наиболее развитой марксистской форме вызревала постепенно, проходя ряд стадий, мифологизирующих те или иные стороны этого процесса, например, так называемый гоббсовский миф о естественном человеке, существующем в дикости до начала прогрессивного возвышения, или миф о невидимой руке рынка как двигателе прогресса и многие другие. Вместе с тем идея прогресса постоянно использовалась разными политическими силами в своих интересах. В руках господствующих классов и социальных сил она зачастую становилась элементом идеологии – ложного сознания, поскольку использовалась в целях обоснования господства этих социальных сил, что оборачивалось своей же противоположностью, а именно поводом для того или иного «конца истории». Так, идею прогресса использовали Ф. Фукуяма в своем труде «Конец истории» и А. Гор в теории устойчивого развития. Вследствие всего этого на идею прогресса ополчились с разных сторон, в том числе господствующие социальные силы, полагающие, что они и так хорошо управляют и прогресс уже не нужен, а также критики современного порядка вещей, видящие в идее прогресса лишь элемент идеологии господства и не более. К последним можно отнести, например, известного ученого, Т. Шанина, излагавшего свои критические взгляды в статье «Идея прогресса» [5].

Проблема в том, что как бы мы ни относились к идее прогресса, она давно стала не просто идеей. Она определенным образом организовала жизнь всего человечества и таким образом превратилась в непосредственный фактор существования. Выше я уже писал о том, что идея прогресса послужила обоснованием для осуществления длинных проектов, главным образом в Новейшее время. В частности, речь идет о послевоенных десятилетиях как об эпохе длинных проектов, создавших современный мир. Например, хотя канализация в Париже в центральной части города была создана во второй половине XIX в. (если, конечно, не вспоминать древнеримскую и средневековую канализации, понятное дело, совершенно другого качества), однако и в предвоенные 1930-е гг. множество домов все еще были оборудованы выгребными ямами. И только после войны центральной канализацией стали пользоваться все жители города. Система здравоохранения – именно как система, а не некоторое количество врачей, с большим или меньшим успехом излечивающих больных, – также появилась в XX в. (в СССР – известная система Семашко). Люди, как правило, мало понимают, насколько сильно от-

личался мир даже XIX в. от мира, в котором они живут сегодня. И отличия состоят главным образом даже не в каких-то технологичных изделиях, которых раньше не было, а в тотальных системах жизнеустройства. Можно вспомнить, еще, например, и систему санитарного контроля, ведь порча продуктов была в XIX в. обыденным явлением. В кулинарной книге издания 1892 г. есть целая глава, посвященная описанию фальсификации продуктов и содержащая советы, как их избегать [6]. Речь идет о цементе и извести в муке, крахмале в сахаре и др.

Правоохранительная система в нынешнем виде также появляется в XX в. (впрочем, далеко не везде), тогда же был принят ряд наиболее значимых элементов, связанных с принципом равенства граждан перед законом, признававшихся всеми странами мира. В XX в. произошли также решительные изменения в градостроительстве: стали проектировать городское пространство как систему организации жизни и труда людей, а не как пространство, разделенное на сферы символической конкуренции элит и зоны трущоб для рабочих и обслуживающего персонала. Громадную роль в этом процессе сыграл советский конструктивизм, что, конечно, прямо связано с социально-экономическими изменениями в стране, осуществлявшимися после революции 1917 г. Электрификация не только производства, но и быта применительно к России и другим постсоветским странам – это та самая лампочка Ильича, что стала предметом иронии в постсоветскую эпоху. Но мыслимо ли сегодня неэлектрифицированное жилье? Промышленность потребовала решительного изменения системы образования... В общем, перечислять можно долго. Все это результат осуществления длинных проектов, и важнейшей их особенностью является то, что «откатить» их обратно невозможно. Вернее сказать, можно, но это чревато массовыми страданиями людей, ростом смертности, существенным сокращением населения, т. е. человечество в таком случае должно сократиться в несколько раз.

Собственно говоря, нынешняя пандемия как раз и демонстрирует нам следствия такого «отката». В последние десятилетия система здравоохранения, выстроенная с большей или меньшей эффективностью по аналогии с советской системой Семашко в большинстве стран мира, размывалась, возвращаясь к привычной в XIX в. организации, состоящей из определенного количества врачей, которые с тем или иным успехом лечат больных. Впрочем, в некоторых странах, таких как США, эта система и не менялась по большому счету, но в Европе в послевоенные годы система здравоохранения все же была создана. Временем сокращения и постепенной ликвидации этой системы стал XXI в. Количество коек, под которыми подразумеваются, конечно, не сами кровати, а весь комплекс оборудования, и в первую очередь

специалистов (от врачей высокого класса до санитарок), уменьшалось. Вернее, «оптимизировалось» – именно так звучит современный эвфемизм, означающий элементарное сокращение и регресс. И грянул гром...

В связи с этим необходимо признать, что отказ от прогресса и даже значительное его замедление, я уж не говорю о регрессе, будет иметь и имеет крайне тяжелые, трагические последствия для человечества. А замедление прогресса и регресс в ряде областей достаточно очевидны, если, конечно, мы не станем всю материальную жизнь человечества сводить к производству новых гаджетов или делать вид, что повторение технологий полувековой давности, осуществленное с громадными затратами, есть гигантский шаг вперед всего человечества (речь о полете к Международной космической станции корабля *Crew Dragon* компании *SpaceX*).

Необходимо помнить, что создание и укрепление второй природы является одной из важнейших черт общественного прогресса. При этом стоит осторожно отнестись к умильному заигрыванию с природой, с которой современный человек по большому счету и не сталкивается в своей обыденной жизни. Та природа, с которой он имеет дело, есть давно в той или иной мере вторая природа, своего рода парк, созданный человеком для своего удобства и поэтому уже имеющий черты некой «доброжелательности» к человеку. Оттуда возникают иллюзии, связанные с приданием природе черт субъектности, причем субъектности приятной. Так как представления о прогрессе связаны с идеей освобождения человека, то появляются представления о том, что «свобода мыслится уже не как овладение и контроль, а как

установление равноправно-партнерских отношений с тем, что находится вне человека: с природными процессами, с другим человеком, с ценностями иной культуры, с социальными процессами, даже с нерелексируемыми и “непрозрачными” процессами моей собственной психики...» [7, с. 19]. И хотя освобождение человека как его социальное освобождение находится вне темы данной статьи, тем не менее хочется еще раз подчеркнуть, что разговоры об установлении «равноправно-партнерских отношений» с природными процессами при всем благостном их звучании не только разрушают смысл категорий субъекта и объекта в практике и теории (в частности, философии), но и приводят к проявлениям опасного инфантилизма массового сознания.

Природа не является субъектом в практическом и «эпистемологическом» отношении человека и природы. Природа не другой, с которым можно разговаривать, общаться. Поэтому и говорить о каком-то отношении к человеку со стороны Вселенной можно только в форме поэтической гиперболы или фантастики, как, например, в романе «Солярис» С. Лема. Однако не следует забывать, что природные процессы, как познанные, так и не познанные человеком, могут с легкостью смахнуть человечество как вид с «лабораторного стола» Вселенной в любой момент. И единственное, чем может ответить человек, – это овладение и установление контроля хотя бы над ближайшей зоной ареала обитания, что человек и делает, создавая вторую природу. Вторая природа есть плод труда рук и ума человека, плод его овладения природными процессами и контроля над ними, и в данном смысле тем более это не другой, а часть самого человека.

Библиографические ссылки

1. Эрн ВФ. *Идея катастрофического прогресса* [Интернет]. 2020 [процитировано 01 октября 2020 г.]. Доступно по: http://vladimir-ern.narod.ru/Idea_catostroph.html.
2. Медоуз ДХ, Медоуз ДЛ, Рэндерс Й, Беренс III ВВ. *Пределы роста*. Кавтарадзе ДН, редактор; Саркисова АС, переводчик. Москва: Издательство МГУ; 1991. 208 с.
3. Ритцер Дж. *Современные социологические теории*. 5-е издание. Санкт-Петербург: Питер; 2002. 688 с. (Мастера психологии).
4. Валлерстайн И. *Миросистемный анализ. Введение*. Тюкина Н, переводчик. Москва: URSS; 2017. 304 с. (Университетская библиотека Александра Погорельского).
5. Шанин Т. *Идея прогресса* [Интернет]. 2020 [процитировано 01 октября 2020 г.]. Доступно по: <https://www.yabloko.ru/Publ/Articles/shanin-2.html>.
6. Симоненко ПФ. *Образцовая кухня и практическая школа домашнего хозяйства*. Москва: Типография И. Д. Сытина; 1892. 687 с.
7. Лекторский ВА. *Эпистемология классическая и неклассическая*. Москва: Эдиториал; 2001. 256 с.

References

1. Ern VF. *The idea of catastrophic progress*. [Internet]. 2020 [cited 2020 October 01]. Available from: http://vladimir-ern.narod.ru/Idea_catostroph.html. Russian.
2. Meadows DH, Meadows DL, Randers J, Behrens III WW. *Limits of growth*. New York: Universe Books; 1974. 205 p. Russian edition: Meadows DH, Meadows DL, Randers J, Behrens III WW. *Predeley rosta*. Kavtaradze DN, editor; Sarkisova AS, translator. Moscow: Moscow State University Publishing House; 1991. 208 p.
3. Ritzer J. *Modern sociological theories*. New York: McGraw-Hill; 2000. 486 p.

Russian edition: Ritzer J. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii*. 5th edition. Saint Petersburg: Piter; 2002. 688 p. (Mastera psikhologii).

4. Wallerstein I. *World-systems analysis: an introduction*. Durham: Duke University Press; 2004. 109 p.

Russian edition: Wallerstein I. *Mirosistemnyi analiz. Vvedenie*. Tyukina N, translator. Moscow: URSS; 2017. 304 p. (Universitetskaya biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo).

5. Shanin T. The idea of progress [Internet]. 2020 [cited 2020 October 1]. Available from: <https://www.yabloko.ru/Publ/Articles/shanin-2.html>. Russian.

6. Simonenko PF. *Obraztsovaya kukhnya i prakticheskaya shkola domashnego khozyaistva* [Exemplary kitchen and practical school of household management]. Moscow: Printing House of I. D. Sytin; 1892. 687 p. Russian.

7. Lektorsky VA. *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya* [Epistemology classical and non-classical]. Moscow: Editorial; 2001. 256 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 10.10.2020.
Received by editorial board 10.10.2020.